

Уэда Акинари

**Сказки
весеннего
дождя**

Такэбэ Аятари

**Повесть
Западных
гор**

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
У 97

上田 秋成
建部 綾足
春雨物語. 西山物語

Состав Галины Дуткиной

Перевод с японского
Галины Дуткиной, Ирины Мельниковой

Серийное оформление и оформление
обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации Такэбэ Аятари

ISBN 978-5-389-26286-7

- © Г. Б. Дуткина, состав, перевод, 2025
- © И. В. Мельникова, перевод, статья, комментарии, 2025
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Уэда
Акинари

**Сказки
весеннего
дождя**

Предисловие автора

...Сколько дней уже моросит этот дождь? Мир объят тишиной и исполнен очарования. Достаю любимые тушечницу и кисть, но, как ни ломаю голову, придумать ничего не могу. Подражать старинным историям — занятие для неискушенных; но что я, презренный обитатель лесов, могу поведать о собственной жизни? Преданья давно минувших веков и дней нынешних ввели в заблуждение многих; и сам я, признаться, отдав им дань, морочил голову людям, не зная, сколь лживы эти истории. Но что из того? Все равно одни будут выдумывать сказки, другие — внимать им, принимая за сущую правду. А посему и я стану писать, покуда моросит этот весенний дождь...

ОКРОВАВЛЕННЫЕ ОДЕЖДЫ

Государь Хэйдзэй¹ воцарился в пятьдесят первом поколении от начала императорского правления и вершил дела по воле богов, так что во всех пяти провинциях и вдоль семи дорог² не было ни засухи, ни наводнения. Люди похлопывали себя по сытым животам и пели хвалу обильному урожаю, а птицы могли вить гнезда повсюду, не выбирая деревьев. Сочтя благоприятным имя Дайдо, «Великое согласие», летописцы предложили его девизом правления для нового императора.

Вскоре после воцарения император приказал построить Весенний дворец для наследника, чтобы поселить там своего младшего брата, царевича Камино³. Все потому, что брата жаловал особой любовью прежний император Камму. У царевича был блестящий ум, беспримерный для правителя, он глубоко разбирался в китайских и японских книгах, а его почерк, и уставной, и скорописный, превозносили даже люди из Китая, и говорят, просили образцы, чтобы увезти с собой.

В то время в Китае была эпоха правления императора Сюань-цзуна⁴, а поскольку «добродетель

не бывает одинокой»⁵, наладились обмены посольствами с Японией. Также и правитель Эджан Ван⁶ из корейского княжества Силла, следуя примерам старины, послал в Японию десятки кораблей с данью.

Император был по характеру добр и мягок, поэтому он хотел поскорее передать правление обитателю Весеннего дворца и открыл свое намерение ближайшим советникам. Министры и высокие чиновники останавливали его, говоря: «Повремените с этим пока». Однажды ночью императору был сон. Во сне его отец, прежний правитель, огласил стихи:

Рано утром сегодня
Крик оленя раздастся.
А пока его голос не слышен,
Не покину тебя,
Пускай даже ночь затянулась⁷.

Император задумался о смысле этого сна и разгадал его.

На следующую ночь ему приснилось, что от прежнего императора явился гонец с известием: «Дух принца Савары⁸ явился на могилу вашего отца в Касиваре и повинился в своем преступлении. Он жаловался только на то, что у него нет потомков и некому о нем молиться». Передав эту весть, посланец удалился.

Хэйдзэй подумал, что такие сны приходят из-за его слабого характера, и близко к сердцу не при-

нял, однако почившего принца Савару повелел отныне называть императором Судо⁹. А буддийские монахи и служители синто обратились к своим алтарям, стали молиться об отвращении беды, совершать обряды очищения.

Советник императора Фудзивара Наканари и его младшая сестра Кусурико¹⁰ говорили: «При совершении гадания различают шесть видов снов. Но разве возможно исчислить грядущее счастье или несчастье? Верно, какой-то злобный дух покушается на ваше прямое, искреннее сердце». Они приказали лекарю Идзумо Хиронари подобрать для императора целебное снадобье. Кроме того, сановники и министры посоветовались и разослали во все стороны гонцов в святилища и храмы.

Затворившегося от мира в краю Хоки монаха по имени Гэмпин¹¹ призвали ко двору, чтобы он молился об отведении зла. Этот монах Гэмпин получил когда-то второй по важности буддийский сан, но из-за ужасного зла, которое замыслил его родственник, Югэ но Докё¹², Гэмпин счел себя оскверненным и ушел скитаться в горы, предался аскезе.

При дворе Гэмпин пробыл семь дней, а после попросил отпустить его: мол, злые духи уже изгнаны. У императора стало на душе спокойнее, и монаха уговаривали побыть еще, но тот, видно, думал по-своему и снова вернулся в горы.

Наканари постарался отдалить от императора всех других советников, а сам вместе с Кусурико развлекал его. Даже на дурные их проделки император отвечал только улыбкой, и казалось, что он принимал все это благосклонно. Ночь за ночью проходили в пирах и плясках, сам император вставал в хоровод и ходил кругами. Как-то запели песню его сочинения с такими словами:

Олень, что ни вечер,
Приходит и кличет подругу.
Пока на траве роса
Не застыла ледком,
Я все еще молод!

Император поднял простую глиняную чарку с вином, а Кусурико взяла веер и вышла плясать.

В храме Мива
Распахнуты двери:

Долгих лет,
Долгих лет тебе!¹³

С развевающимися рукавами она плясала и пела это славословие.

Сердце императора утешилось, и на утренней аудиенции он не скучал.

Некоторые испытывали зависть к выдающейся учености брата императора, царевича Камино, и были люди, которые тайком наговаривали на него дурное. Император наедине с собой рассуждал так: «Наш предок, основатель династии, с копьем в руках прокладывал этот путь и сам брался за лук и стрелы, чтобы покарать врагов¹⁴. Неужели с той поры и до эпохи правления десятого императора Судзин нечего было внести в исторические анналы? А ведь в хронике годов Ёро об этом времени не написано ничего¹⁵. В нашу страну пришло учение Конфуция, но разве премудрые слова исправили зло? Изощряясь в запутанном слоге, конфуцианство век за веком все больше входит в силу, а мира в стране нет. Я не мастер толковать книги, я всего лишь стараюсь честно править».

Однажды, когда не было ни облака в небе, ни шелеста ветра в ветвях, сверху раздался страшный грохот. Вероучитель Кукай¹⁶ явился ко двору, стал громко читать молитвы, перебирая четки, — и тут нечто упало наземь. Очень странно — это оказался сидевший в повозке гигантский варвар! Его схватили, посадили в сундук и утопили в канале Нанива¹⁷. Имбэ но Хаманари¹⁸ велел снять землю на

глубину три *сяку*¹⁹ на том месте, где упал варвар, и принялся громко возглашать заклинания, отгоняющие злых духов.

Младший брат императора царевич Камино посетил могилу отца в Касиваре и поднес некое тайное послание. В чем бы ни состояли его намерения, никто о них ничего не знал.

Сам император тоже отправился поклониться отцовской могиле. Множество сановников сопровождали его, а возглавляли и замыкали процессию стражи. По бокам монаршего паланкина следовали начальники и командиры Правой илевой дворцовой гвардии, у каждого в руках был лук со стрелами, сверкали притороченные к поясу мечи. На жертвенном столе перед могилой горой громоздились подношения, к ветвям священного дерева *сакаки* были привязаны разноцветные листки бумаги — совсем как в эпоху богов! Рядами выстроились музыканты из Правого и левого отдела Музыкального ведомства, мелодия трех флейт и барабанов заставила даже самых бесчувственных заслушаться и воскликнуть: «Прекрасно!»

Неожиданно из-за гор, окружавших могилу, поднялась черная туча, и хотя дождь не хлынул, темно было, как в самый короткий день в конце года. Император спешно укрылся в своем паланкине, а вокруг него беспорядочно толпилась многочисленная свита с криками: «Дорогу нам, пропустите!» — даже командиры Правой илевой дворцовой гвардии смешали ряды.

Во дворце громко объявили: «Император возвращается!» — и люди из рода Отомо открыли ворота. «Император занемог!» — тут же спешно явились лекари, стали готовить снадобья. Сам император совсем не тревожился и верил, что ему явлен знак: пора передать трон брату, как он давно уже решил. Император изволил испить чарку, и ему подали к ней маленьких рыбок *аю* из стремнины Курусуно, красиво разложенные побего папоротника с холма Нараби, свежую рыбу и мясо, да и много всего еще. Император был в прекрасном настроении. Вечером взошла луна, слышалось, как раз или два прокуковала кукушка, — император спокойно отошел ко сну.

Утром ко двору явился Кукай. Император сказал ему: «Три правителя и пять императоров — это далекое прошлое²⁰. Расскажи мне о тех, кто был после них». Кукай отвечал: «Не бывало такого, чтобы государство создавалось на основе какого-либо учения. „Из трех углов сети отпускать, в четвертый привечать: идите ко мне!“ — с этого изречения берет начало эгоизм правителей²¹. У вас, государь, прямое и искреннее сердце, так извольте же править, как сердце подсказывает. Вставать с солнцем, с закатом ложиться, вкушать пищу, когда голоден, и пить, когда жаждешь, — в сердцах простых людей нет эгоистичных чувств».

Император выслушал, кивая: «Хорошо, это хорошо». Императора навестил младший брат, царе-

вич Камино. Некоторое время они разговаривали. Император сказал:

— Империя Чжоу простояла восемьсот лет, империя Хань — четыреста лет, как они смогли существовать столь долго?²²

Царевич Камино был очень проницателен, он догадывался, что́ лежит на душе у императора, и в соответствии с этим ответил:

— Хотя и говорят, что эти государства существовали долго, но царство Чжоу ослабело уже через семьдесят лет. Да и царство Хань тоже: не успело остыть тело основателя династии, как Лю устроили мятеж. Но причина не в том, что правителям недоставало осмотрительности.

Тогда император спросил:

— Так значит, это судьба, назначенная небом? Но небо — это священная вотчина нашей солнечной прародительницы, которая каждый день его освещает. Когда я спрашиваю у конфуцианцев: «Небо — это небеса над нами?» — они говорят, что небо есть предначертанное человеку небесами счастье и несчастье. А еще они говорят, что это количество отведенных человеку дней и месяцев. Слишком много есть разных объяснений. Буддийские монахи толкуют так: «Небесный владыка, склонив к нам свою венценосную главу, слушает нас»²³. Как это все запутано!

Царевич ничего на это не ответил и удалился.

На следующий день вышел указ о том, что император передает страну своему брату.

Император Хэйдзэй сказал, что после отречения намерен пребывать у себя на родине в городе Нара. Это была столица семи поколений японских императоров, начиная с государыни Гэммэй, и вплоть до царствия его батюшки, прежнего государя Камму. Хэйдзэй решил поселиться там, вспоминая стихи о том, каким в старину был дворец в Наре:

Благоуханью распустившихся цветов
Подобен он в зените процветанья²⁴.

Был выбран благоприятный день, и император отправился в путь. Когда достигли пределов Удзи, Хэйдзэй велел на некоторое время остановить свой царственный паланкин. Обозревая речную гладь, он сложил стихотворение:

Вы, воины, служите
Нам так же неизменно,
Как доски ровные моста
Уж сотням поколений
Верно служат²⁵.

Музыканты обратили эти строки в песню и пропели семь раз.

Хэйдзэй сказал: «Сегодня на воде не видно ряби от рыбацких снастей, но кулички, как обычно, слетелись на отмели и кричат свое тиё-тиё — „многая лета“...»²⁶ Он снова изволил взяться за чарку, а Кусурико, как обычно, наполнила ее и поднесла. Император повелел: «Пусть каждый сложит

стихотворение, подходящее к случаю». Первой сложила Кусурико:

Горы сияли в утреннем солнце,
Небо блистало — то было вчера.
Нынче рукав не согреет
Моих ладоней остывших —
Волны Удзи-реки холодны.

Хэйдзэй рассмеялся: «Речной ветер веет свежестью, а не холодом!»

Капитан Лево́й гвардии Фудзивара Таданари сложил такие стихи:

Сегодня утром ты, государь,
Идешь через эту реку,
Что течет без стремнин и затонов, —
Так и я буду верно служить тебе,
Жизни своей не жалея²⁷.

Помощник главы Военного ведомства Татибана Мицугу так сложил:

«Любимой лик они напоминают» —
Так про цветочки эти говорят,
Вот потому пойду скорее
Взглянуть на берега,
Где распустились ямабуки²⁸.

Хэйдзэй заметил: «В старой песне, кажется, говорится про цветы ямабуки в Кодзимагасаки, в Татибанае — не так ли? Это там, где стоит дворец принца Кусакабэ, в старом селенье Асука»²⁹.

Было сложено еще много стихов, но они не сохранились.

В местности Нарадзакэ остановились для вечерней трапезы. Хэйдзэй спросил:

— Которые же здесь «листья дуба, похожие на детские ладошки»?³⁰

— Это листья, у которых наружная и внутренняя сторона отличаются, потому их уподобляют криводушным людям, они вызывают отвращение. Но у нас, твоих верных слуг, что снаружи, то и внутри, — так ему ответили.

— Хорошо, — сказал Хэйдзэй, и они продолжили путь, к ночи достигнув старого дворца в городе Нара.

На следующее утро Хэйдзэй повелел поднять бамбуковые шторы и изволил обозреть окрестности. На востоке видны были горы Касуга, Така-

мадо и Мива, на юге открывался вид до самой горы Такамути, на западе зеленой стеной стояли горы Кадзураки и Такама, вкупе с вершинами Икома и Футагами. «Все верно, — рассуждал про себя Хэйдзэй, — с самого начала местопребывание двора было установлено именно здесь. Какие мысли вынашивал мой родитель, когда переносил столицу к северу, в Киото?» Узнав от приближенных, что в северной стороне находятся гробницы императриц Гэммэй и Гэнсё, а также императора Сёму, Хэйдзэй распростерся, обратившись туда лицом, и вознес молитвы. Высоко вздымались черепичные крыши больших храмов, пагод было столько, что не счесть. Дома в городе тоже стояли как прежде, поскольку некоторые люди еще не переехали в Киото и столица Нара не выглядела «заброшенным селеньем».

Хэйдзэй сказал, что хочет помолиться Будде Вайрочане в храме Тодайдзи, и напрямиком отправился туда³¹. Подняв взор на огромную фигуру Будды, он промолвил: «То, что я лицезрею, превосходит все ожидания. Будда родился в стране далеко к западу от Японии, но золотые цветы из Митиноку добавили ему сияния³². Поразительно и непостижимо!» Стоявший близко монах заметил: «Это изваяние представляет Будду таким, как описано в Сутре цветочного убранства³³. Там сказано, что Будда в своем воплощении Нёрай, „Великого Сияющего Солнца“, находится на небесах, заполняя собою все, но может поместиться и в ма-

ковом зернышке. Изображение этого Будды пришло из Китая в нашу страну, на ступне ноги было написано „эра Кайгэн“³⁴. Перед вами уже третья копия того изображения, считают, что она очень точна, ведь фигурка была не больше пяти сяку».

Хэйдзэй не сказал на это ни слова, он не возражал — просто слушал. Таков уж был его характер, исполненный благородства. Даже когда Кусурико и Наканари толкали его к чему-то дурному, он лишь склонял набок свою голову в шапке *эбоси*, что вызывало умиление и грусть.

Подали обед. Хэйдзэй вкушал с удовольствием и спросил:

— Нам доставили сии яства рыбаки из Нанивы, близко ли это отсюда?

Ему ответила Кусурико:

— Столицу в Наниве основал император Нинтоку, но его отец, император Одзин, сделал наследником трона младшего сына, принца Удзи. После того как Одзин скончался, старший брат не высказывал недовольства и готов был служить принцу Удзи. Однако принц Удзи заявил: «Если я взойду на престол, обойдя моего старшего брата, это будет противоречить пути мудрецов» — и отказался. Нинтоку на это: «Нет, отец решил назначить наследником престола тебя», — и так они три года уступали друг другу, а трон оставался не занят. Наконец младший брат бросился на лезвие меча и покинул сей мир. Говорят, что до той поры рыбаки из Нанивы носили свежую рыбу для подно-

шения государю от одного брата к другому и по дороге рыба портилась. Говорят, что оттуда и пошла поговорка: «Рыбак плачет над тем, что имеет»³⁵. Старшему брату ничего не оставалось, как взойти на престол, и люди нарекли его мудрым государем, на много поколений он запомнился как непревзойденный правитель. А ты, наш государь, отрекся от престола, не пробыв на нем и четырех лет, — твои слуги и народ в отчаянии, только и говорят: «Как это горько!» Ныне царствующий император начитался китайских книг и последовал злейшему из тамошних обыкновений — узурпировал трон.

— Это уж слишком, — прервал ее Хэйдзэй, но она настаивала:

— Нет, государь, все твои слуги умоляют тебя теперь же вернуть престол, сделав столицей Нару, этот мирный город на равнине!

Рядом с отрекшимся государем был человек, который душой поддерживал его младшего брата, двуличный, наподобие тех листьев в Нарадзаке, — он этот разговор услышал и понес дальше, так что вскоре разлетелись шепотки: «Ах вот что!»

Наканари высказался обо всем этом так:

— Государь, скажите, что вы отдали престол из-за недомогания, а теперь снова вернете его себе. Если теперешний властитель будет противиться — я ведь начальник гвардии! Я поведу войска в Нараяму и к реке Идзуми — это покажет вашу силу.

Уэда Акинари

У 97 Сказки весеннего дождя ; Такэбэ Аятари. Повесть Западных гор : новеллы / Уэда Акинари, Такэбэ Аятари ; пер. с яп. Г. Дуткиной, И. Мельниковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 336 с. : ил. — (Изящная классика Востока).

ISBN 978-5-389-26286-7

Самурай высокого ранга Такэбэ Аятари (1719–1774) и приемный сын в купеческой семье Уэда Акинари (1734–1809) при жизни были связаны отношениями учителя и талантливого ученика, порой переходящими в соперничество. И в истории японской литературы их имена стоят в одном ряду как имена зачинателей нового жанра повествовательной художественной прозы — ёмихон.

Сборник «Сказки весеннего дождя» Акинари составили новеллы исторического, фантастического и авантюрного характера, а «Повесть Западных гор» Аятари — это история о любви и самурайском долге, основанная на реальных событиях кровавой драмы, разыгравшейся в деревне неподалеку от Киото.

Издание украшают рисунки Такэбэ Аятари, который был талантливым художником.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

УЭДА АКИНАРИ
СКАЗКИ ВЕСЕННЕГО ДОЖДЯ
ТАКЭБЭ АЯТАРИ
ПОВЕСТЬ ЗАПАДНЫХ ГОР

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Корректоры Наталья Бобкова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.07.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,81. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА' тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-CEL-35269-01-R